
Лена Щербина
КОГДА МНЕ БУДЕТ 18
Я УМРУ

Елена Щербина

Когда мне будет 18,Я Умру

«Автор»
2026

Щербина Е.

Когда мне будет 18,Я Умру / Е. Щербина — «Автор», 2026

На Земле появился вирус,который по информации первооткрывателей убивает только взрослых.Учёные успели лишь сделать вывод,что детей из-за их роста и развития вирус не трогает,но когда ребенок достигает совершеннолетия,то вирус начинает останавливать организм за полгода.Катастрофа случилась неожиданно,а детям теперь приходится решать недетские проблемы и каждый выживает по-своему с детской наивностью и надеждой на будущее.Смогут ли дети найти антидот?Ведь каждый мечтает не о выздоровлении,а о своих желаниях и как дожить до завтра.

© Щербина Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 15
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Елена Щербина
Когда мне будет 18,Я Умру

Глава 1

Предыстория

Был обычный день. Ничего не предвещало беды. Звёзды светили ярко, будто готовились к чему-то прекрасному. Только воздух в тот вечер пах озоном — как после грозы, только грозы не было. И над домами висело зелёное свечение — неспешное пятно, от которого в комнатах оставался странный зеленоватый свет, как от ночника, который никто не включал.

Катя с родителями наблюдали за звёздами, потому что отец был астрономом.

— Папа, мама — мне неинтересно. Когда мы пойдём домой?

— Катюша, сейчас же будет звездопад века, как прогнозировали, — ответил отец.

— Я уже устала ждать.

— Дочка, чудо надо всегда ждать, на то оно и чудо, — заявила мать Кати.

Катя вздохнула так глубоко, что чуть не засосала в себя ближайшую звезду, и побрела к скамейке. Там она начала считать звёзды, но сбилась на двенадцатой, потому что одна из них мигнула ей — честно-честно, два раза подряд. «Она здоровается», — решила Катя и помахала ей в ответ. Прохожие не поняли, кому машет пятилетняя девочка, но тоже машинально подняли головы. И замерли: небо было не совсем обычное.

Вскоре отец в телескопе зафиксировал аномалию. На Землю летел странный метеорит с зелёным свечением.

— Дочка, посмотри в телескоп. Ты никогда ещё не видела зелёную комету.

Катя быстро подбежала и посмотрела.

— Она и правда красивая.

— Мы с матерью почитаем пока форум, а ты любуйся.

— А можно я её назову? — крикнула Катя вслед. — Комета-Мечта! Она зелёная, а зелёный — это цвет надежды!

Родители переглянулись. Мама улыбнулась, а папа почему-то вздохнул:

— Если бы всё было так просто, дочка…

— Чудо надо ждать! — напомнила мама, и это прозвучало не как фраза, а как просьба.

Пока пятилетняя Катя смотрела в телескоп и вежливо здоровалась с кометой, родители паниковали. На форуме астрономов все забили тревогу: «Эта комета может разрушить Землю», «Эта комета не сулит ничего хорошего», «Зелёная комета — она может быть ядовита», и так далее, до самого низа страницы, где один неопознанный пользователь написал: «А может, она просто красивая?» Его никто не поддержал.

По телевизору в это время успокаивающе бормотал ведущий: «По данным наблюдений, комета пройдёт на значительном удалении от Земли. Оснований для беспокойства нет». Ведущий говорил это ровным голосом, но руки у него чуть заметно подрагивали, когда он брал бумаги. Взрослые смотрели и не верили. Дети смотрели и не переживали — так было распределено в этот вечер по всей планете.

— Держись поближе к нам, — сказал отец Кате, когда они собирались домой. — Не уходи далеко.

— Сейчас не время для глупостей, — добавила мать, хотя Катя и не собиралась их совершать.

Катя не поняла, почему взрослые вдруг стали такими серьёзными. Взрослые вообще часто говорят загадками. Она пошла домой, оглядываясь на зелёное пятно в небе, и шепнула ему на прощание:

— Прилетай скорее. Только веди себя хорошо.

На следующий день комета ещё летела, а взрослые по всей стране смотрели в небо, потом на часы, потом снова в небо. Дети смотрели на родителей и не понимали, чего это все вдруг полюбили небо.

В универмаге восьмилетнему Максиму выбирали новую форму для школы, так как предыдущую он порвал.

— Сыночек, посмотри твой размер, — говорила мама, а папа стоял в другом отделе, рассматривая ассортимент с гайками и ключами, с лицом человека, который пришёл не в магазин, а в музей родной души.

— Фу, мне не нравится. Слишком классическая. Меня засмеют в школе.

Потом к ним подошёл отец, услышав разговор.

— Но зато тебе Максим не скажут, что ты неправильно оделся.

— Нет, не хочу. Мне тот костюм нравится, с белой рубашкой и машинками.

— Максим, но тот тебе явно маленький будет, — заявила мать.

— Похудею.

— Сынок, да там даже рост не твой, — сказал отец.

— Тогда этот, с нарисованными гайками!

— Сынок, я понимаю, что ты хочешь быть мастером, как я, но этот костюм будет слишком большим тебе, — продолжил отец.

— Ну я же расту.

— Максим, тебе же сказали в школе, что рубашки с рисунками не подходят, — вклинилась мать.

— Тогда я ничего не хочу.

Максим надул щёки, как воздушный шарик, который вот-вот улетит в отдел верхней одежды, и скрестил руки. В это самое время за спиной у мамы комета отражалась в витрине — большая, зелёная, торжественная. Максим посмотрел на отражение и вдруг решил, что это не комета, а гигантская фара от мотоцикла. Идея пришла мгновенно:

— А давайте спросим у продавца, есть ли у него костюм цвета этой штуки в небе! Зелёный! Буду как настоящий мастер-механик в фирменной униформе!

— Сынок, это не «штука», это комета, — сказал отец.

— Ты хочешь, чтобы в школе подумали, что ты пришёл в рабочей форме? — спросила мама.

— А если подумают — скажу, что это новая школьная форма для будущих инженеров! — гордо заявил Максим. — Я буду первым!

— Точно. Первым и последним, — пробормотала мама, но улыбку спрятать не смогла. — Пошли домой. Зашью тебе твою порванную форму.

— Ну мама!

Идя домой, Максим всё оглядывался на комету и думал: «Интересно, а у неё есть свой гараж? В космосе?» По небу комета медленно ползла и, кажется, никуда не спешила — как школьник, у которого впереди целые каникулы.

А в роддоме в это самое время возле кабинета суетился один из мужчин. У его жены принимали роды. На свет появился мальчик — Миша. Мишке радовались как лучу солнца и не обращали внимания на небо, где всё ещё висело зелёное свечение. Хотя небо в тот день было настойчивым: зелёный отсвет даже пробился сквозь жалюзи палаты и лёг на пелёнку, будто тоже хотел посмотреть на новорождённого.

— Странное небо, — пробормотала медсестра, задёргивая штору.

Отец и мать крепко прижали Мишку к груди и уехали домой. Мальчик был как ни странно спокойным. Он не плакал ни в машине, ни дома. Он просто лежал, разглядывал пото-

лок, а потом — никто не заметил, когда он переключил взгляд на окно, за которым висело зелёное свечение. И будто изучал его.

— Ты будешь жить в хорошем мире, — шептала мама, укладывая его спать. — Обязательно.

Миша смотрел на неё так серьёзно, как смотрят очень старые мудрецы. А за окном комета неспешно догоняла Землю. Если бы кто-нибудь сумел заглянуть в Мишкины сны — а заглянуть туда пока не умел никто, даже сама комета, — он бы увидел, что снится младенцу зелёный свет. И это был единственный сон на планете, в котором комета была не угрозой, а ночником.

В школе тем временем один хулиган по имени Валек планировал свои некрасивые дела на каждый день: рисовал схемы неприятных шалостей, планировал, кого дразнить сегодня. На доске перед приходом учителя нарисовал неприличные картинки и подписал «Петровна». Класс рассмеялся, а вот учительница узнала его записки по почерку и вызвала родителей разбираться.

— Мало того, что ваш сын троечник, да ещё и пакостит. Почему вы не воспитываете своего ребёнка?

— Мы просто много работаем, — сказал отец.

— Мы накажем его дома, — сказала мать.

Валек корчил рожи, изображая учительницу в очках, но так, чтобы никто не видел. Дома, конечно, состоялся серьёзный разговор.

— Валек, ты почему рисуешь всякие пакости и хулиганишь? — спросил спокойно отец.

— Но они сами виноваты! А Петровна мне тройки вечно ставит по математике!

Мать просто взорвалась на месте:

— Валек! Всё, никаких игр. Будешь учиться, работать и заниматься домом!

— Я убегу! Вы мне не нужны! Вечно вас нет дома! Вы занимаетесь воровством и вечно прячете всё, а я что, хулиганить не могу?

Родители не были ворами, но они занимались другой криминальной деятельностью — ночью, через соцсети, и всегда меняли аккаунты. На столе у них лежали распечатки с объявлениями, куча чеков и наклейки с QR-кодами. Валек давно заметил, что эти бумажки для родителей важнее, чем его дневник, — и это его злило больше, чем тройки.

— Валек, мы не воры, а ты виноват. Постоянно лезешь в наш компьютер!

— По-вашему, обманывать людей хорошо?! В школе говорят, что нельзя так делать!

— Валек, тебе уже 13 лет, а ты себя так ведёшь. Когда вырастешь, поймёшь, почему мы занимаемся такой деятельностью. Как думаешь, откуда у тебя столько игр, модной одежды и всего дорогого, чего у многих нет? — спросил отец.

— Не хочу это слушать. Я убегу! Вы мне не нужны! Вы слабые. Я когда стану совершеннолетним, то буду заниматься пирамидой и более крутыми делами. Буду иметь много денег! Больше, чем у вас.

— Валек, быстро к себе в комнату! — вдруг скомандовала мать.

Валек вышел, хлопнув дверью так, что с полки упал словарь — как раз на слово «совесть», если бы кто-нибудь догадался его открыть. В комнате он плюхнулся на кровать и стал смотреть в потолок. За окном висела комета — зелёная, чужая, непонятная. Валек смотрел на неё и думал: «Вот бы мне так — лететь куда-нибудь, где никто ничего не требует». А ещё он тихо, чтобы никто не услышал, добавил: «Если мир и правда скоро кончится, как говорят в новостях, то зря я сегодня не съел все конфеты сам. Надо было съесть». Мир пока не кончался, но мысль Валек записал себе в блокнотик планов — между схемами шалостей.

Ночью Валек сбежал через окно, а потом его задержала полиция, которая патрулировала улицы, — и дома снова был скандал, после которого последовал вызов в инспекцию по делам несовершеннолетних. И так было часто. Полицейские его уже знали в лицо и здоровались: «О, наш ночной житель». Валек отвечал, что ночной житель — это лунная комета, а он просто гуляет. Полицейские не оценили юмор, но в блокнотик запросов записали: «снова гулял».

На следующий день, в другом конце города, трёхлетнего ребёнка учили правилам безопасности. Девочку звали Олеся. Она была активным ребёнком и постоянно везде лазила: то в розетку сунет палец, то кипяток включит вместо холодной воды, то влипнет в клей — и так по кругу. Она ничего не боялась днём, а ночью паниковала от страха, и родители оставляли ей включённый свет, а окно закрывали шторой, на которой тоже светились фосфорные звёзды.

— Запомни: включённый утюг — это опасно и горячо. Нельзя брать острые предметы, нельзя лезть в розетку и садиться на открытое окно.

— Там бабочка летала, я хочу бабочку.

— На улицу пойдём и посмотришь бабочек.

— Но я хочу сейчас.

— Давай сейчас дочитаем эту красочную книгу про безопасность.

— Не хочу, неинтересно.

— Смотри, какие тут картинки, и даже розетка, в которую ты совала палец.

— Скучно, не хочу.

— Тогда пошли спать.

— Не хочу.

— Ну давай тогда просто полежим и посмотрим книжки с картинками. Там интересные сказки. Мы же тебя любим, с папой.

— Я вас не люблю. Отстаньте.

— А как насчёт мягких игрушек?

— Нет.

Этот спор между мамой и Олесей редко когда заканчивался быстро, особенно перед сном. Олеся спорить не умела и поэтому переходила в наступление. В этот раз она нашла новый аргумент:

— А зачем тогда розетка, если туда нельзя? Зачем её вообще поставили? Это взрослая ошибка, а исправлять мне!

— Это… — мама задумалась. И правда, логика была железная: зачем в детской комнате розетка, в которую нельзя?

— Вот! — торжествующе сказала Олеся. — Вы взрослые, а сами не знаете!

Мама сдалась и предложила компромисс: одну книжку про единорогов за право не спать ещё десять минут. Олеся согласилась, потому что торговаться она любила больше, чем читать. За окном тихо светилась комета. Олеся заметила её, прилипла к стеклу и сообщила:

— Это бабочка. Большая. Она светится.

— Это комета, доченька.

— Она зелёная, значит, добрая. Красная была бы злая. Про красные в книжке написано.

— Про какие красные?..

— Про светофор, — невозмутимо ответила Олеся. — Зелёный — можно. Вот она и летит, можно.

Мама хотела поспорить, но не нашла, с чего начать. Логика трёхлетнего ребёнка — штука безотказная.

А в доме напротив двенадцатилетний Никита устраивал опыты с пробирками и вообще хотел быть учёным, как папа. Только его опыты приносили бытовую катастрофу, а отца уже не было в живых давно.

— Никита, ты опять коврик запачкал! Сколько можно?

— Ничего, постирается, мам.

— Что на этот раз смешивал?

— Да так, некоторые химические элементы. Йод, зелёнку.

— Ты что, совсем? Сам будешь стирать!

— Нет, я мужчина, я не должен.

— Ты должен! Сейчас же брось отцовские замашки! То компьютерный стол сломаешь от своих роботов, то пятна посадишь. Хватит вести себя так!

— Но мама!

— Завтра заберу у тебя всё!

— Был бы папа здесь, он бы тебе объяснил. Наука требует жертв!

— Мне и так хватает жертв в виде твоих поломок и несмываемых пятен.

Никита надулся и ушёл к себе — но не сдаваться, а планировать. У него на столе лежал толстый конспект «Великие открытия человечества», и Никита приписал туда снизу строку: «Мои». Правда, пока в списке значились только «невидимая краска (неудачно)», «суп из йода (не пробовать)» и «коврик цвета зелёнки (шедевр, но мама против)». В окно светил зелёный свет кометы. Никита подошёл, посмотрел и сделал в конспекте новую запись: «Аномалия № 1. Зелёная. Летит к нам. Возможно, тоже хочет что-то смешать». Потом подумал и добавил: «Уважаю».

В библиотеке в этот день можно было найти десятилетнюю Василису. Она считала, что надо прочитать все книги мира, чтобы сделать рекорд, и пропадала среди стеллажей, как рыба в родной воде. Конечно, это была хорошая черта, но родители считали, что она теряет зрение и детство. Мама и папа были обычными рабочими: одна работала кладовщицей, другой — строителем.

— Василиса, ты опять тратишь деньги на книги? Я просила купить хлеба и колбасу, а ты принесла очередную книгу.

— Мама, но это редкая книга, я не могла удержаться.

— Лучше бы с друзьями время проводила, а не с книгами. Книги нужны иногда, и то если мозг проседает, — говорил отец.

— Рома, но она должна была купить хлеб и колбасу, а на деле что? — продолжала мама.

— Ну что ж, с завтрашнего дня не даём деньги на книги, не пускаем в библиотеку. Пусть посидит в комнате, подумает.

— Но папа, мне нужно установить рекорд по прочитанным книгам!

— Ты с этими книгами забываешь о себе и портишь зрение!

— Папа прав, нужна передышка! У тебя впереди ещё целая жизнь, а ты даже на кухне не умеешь готовить до сих пор, зато сидеть в книгах ты мастер! — продолжала мать.

— Всё, я не хочу с вами разговаривать! — закрыла за собой дверь Василиса.

Василиса села на кровать и полезла под неё — за коробкой. В коробке лежал тайный запас: три книги, стикеры и список «Книги мира: 2 543 117 прочитано, осталось 9 999 999 883». Она достала список и гордо вычеркнула одну строчку — ту самую, редкую, купленную вместо колбасы. Родители думали, что наказали её запретом ходить в библиотеку. Они не знали, что у библиофила всегда есть стратегический резерв. За окном висела комета, и Василиса вдруг поймала себя на мысли, что в небе сейчас есть ещё одна неразгаданная «книга». «Интересно, а каков её тираж?» — подумала она и честно записала в список под вопросом: «Комета. Автор неизвестен. Жанр: тревожный».

На другом конце города пятнадцатилетняя Оксана строила бизнес-планы для будущего дела, как её отец, который уже держал свой зоомагазин и приют для животных. Она готовилась после школы поступить в экономический. Мать же была домохозяйкой и имела хобби — вышивать. Шила она на заказ. У них были постоянные конфликты.

— А если не пойдёт в гору бизнес твоего папы? Вдруг обанкротится, а ты ничего не умеешь, кроме как планировать. А вещи можно шить себе самой, продавать.

— Нет, мне это не подходит. У меня плохо получается, даже тройка по труду.

— Дочь, ты должна уметь всё.

— Не должна. Сейчас всё продаётся.

— А как ты зарабатывать собираешься?

— Какая разница! Не хочу говорить на эту тему.

Оксана вышла из кухни с достоинством королевы, которую несправедливо лишили трона, и села за стол — писать очередную таблицу в табличном редакторе. «План № 14», — подписала она. Планов с номером было столько, что можно было издавать журнал. За окном висела комета. Оксана посмотрела на неё профессиональным взглядом будущего экономиста и машинально оценила: «Светящийся объект, свободный вход на рынок, конкуренция нулевая. Пять баллов». Потом добавила в план строку: «Возможно, монетизировать небо». Как — она пока не знала.

Зато в детском доме в это самое время четырнадцатилетняя Оля разыгрывала перед зеркалом спектакль. Никаких конфликтов у неё с родителями не было — потому что не с кем было конфликтовать. Родителей не стало ещё десять лет назад из-за несчастного случая, и Оля выросла там, где спорят не «ты не прав, сын мой», а «постройтесь по линейке».

Она мечтала стать актрисой и тренировалась всерьёз: изображала злодейку, принцессу, диктора новостей.

— А сейчас — новости! — объявила она зеркалу низким голосом. — По сообщению учёных, к Земле приближается зелёная комета. Спокойствие. Никакой паники. Лично я, как диктор, держу лицо. А лицо у меня, между прочим, идеальное.

Зеркало было согласно. Зеркало вообще всегда было согласно — из всех зрителей оно самое доброе. За окном детской висела та самая комета, и Оля повернулась к ней боком, в профиль, как полагается звезде:

— Кстати, комета. Раз уж ты небесная звезда, а я — земная, предлагаю дружбу. Когда я стану знаменитой, снимемся вместе в рекламе.

Воспитательница заглянула в дверь и привычно улыбнулась: Оля репетировала. Каждый вечер — новая роль. Вечером вчерашним она была балериной, позавчерашним — капитаном корабля. Воспитательница не знала одного: больше всего на свете Оля репетировала роль девочки, у которой есть мама. Эту роль она пока играла только для зеркала. Оно не возражало. Зеркало вообще никогда ничего не обещало — и этим отличалось от жизни.

А в другом районе шестнадцатилетний Илья хлопнул дверью — так громко, что звук услышали, наверное, все герои этой главы, от роддома до библиотеки. Илью родители считали проблемным. Пока они работали на спокойной работе, тот искал разные приключения, даже угнал чей-то мопед. Он хотел быть крутым парнем, чтобы девушки при виде его крутости и бицепсов теряли голову.

— Ты опять в качалку идёшь? А тройки когда будешь исправлять? Твои бицепсы уже больше твоего интеллекта? — спрашивала мама.

— А зачем мне алгебра и другие предметы? Я хочу быть тренером и гонщиком!

— Тренеры и гонщики мало зарабатывают! Учись лучше! Я вон начальник отдела, а твоя мать бухгалтер, мужчины-бухгалтеры тоже хорошо зарабатывают, — говорил отец.

— Это скучно. Гонщики много зарабатывают за победу!

— Сын, ты ошибаешься! Это лишь тебе так кажется!

— Отстаньте от меня!

Илья сел на чужой пока ещё мопед (своего у него не было, а мечтать это не мешало) и поехал куда глаза глядят. Глаза глядели в небо, потому что там висела комета — огромная, зелёная, как фара дальнего света. Илья прибавил газу и крикнул ей: «Гонка! Кто быстрее!» Комета не ответила — только чуть заметно сместилась по небу, и Илья решил, что это был стартовый сигнал. «Ничего, я её обгоню, — подумал он. — Я вообще всех обгоню». Он не знал, что скоро ему придётся гонять по городу не за крутостью, а за припасами, и что умение чинить моторы окажется круче любого бицепса.

Так жили дети по всей стране — кто-то спорил, кто-то торговался, кто-то репетировал, кто-то смешивал йод с зелёнкой. Все они не подозревали, что через полгода всё станет иначе.

Комета врезалась в Землю. Все почувствовали сильное землетрясение от падения, а учёные выехали изучать феномен. К счастью, метеорит упал в чистое поле. Но воздух после этого стал тяжелее — и взрослые почувствовали первое недомогание.

В лаборатории под микроскопом в космической породе обнаружили неизвестный науке вирус. За полгода при изучении выяснилось главное: он действует только на взрослых. Учёные объясняли это так: взрослый организм уже «достроен» и остановился в развитии, а детский всё ещё растёт, меняется, спешит — и вирусу в нём не за что зацепиться. Пока человек растёт, вирус дремлет. Но стоит росту закончиться…

Полгода учёные бились над антидотом, болея сами, — а вирус в это время тихо разносился по миру. И тогда, в один абсолютно обычный вторник, он сделал то, чего не ждал никто: сработал разом, как гигантский выключатель.

Это произошло одновременно везде. В час пик и посреди ночи. В городах и деревнях. На всех континентах, во всех часовых поясах — там, где было утро и там, где был вечер. Взрослые застывали на ходу: один — с недопитым кофе, другой — с недописанным отчётом, третий — с недосказанным «сынок». Они не падали и не кричали. Они просто переставали быть здесь — так, как гаснет старый телевизор: сначала рябь, потом тишина, потом тёмный экран. Только экраном было человеческое лицо.

Врачи не успели понять, что произошло. Учёные не успели рассказать, как это остановить. К полуночи на всей планете не осталось ни одного взрослого, который мог бы пошевелиться.

Все они превратились в неподвижные фигуры — живые статуи города, которых никто не заказывал. А дети, которых вирус не тронул, остались одни. Они плакали, звали, трогали родителей за руки, трясли, подносили им воду — и ждали, что хоть кто-нибудь проснётся.

Но не дождался никто.

И только в небе всё ещё висело зелёное свечение — то самое, которому Катя когда-то сказала: «Прилетай скорее. Только веди себя хорошо».

Глава 2

Мишка полгода.Инстинкт выживания

Мишка проснулся в своей кроватке совсем один.

Подозрительная тишина в квартире его стала пугать. В обычные дни тишина не вела себя так: она тихонько сидела по углам, пока мама говорила, папа кряхтел над газетой, а кот гонял по коридору невидимую мышку. А теперь тишина разлеглась на всей мебели сразу — на диване, на стульях, даже на люстре. Она заняла всё пространство, как будто выписалась из другой квартиры и переехала к ним насовсем.

Мишка встал на ноги, взялся за решётку кроватки и стал кричать, звать маму. Но никто не подошёл. И даже папа.

Странность была не только в молчании, а ещё и в кроватке: передняя стенка была опущена. Мама всегда задвигала её со щелчком, который Мишка слышал по сто раз на дню. А сегодня стенка стояла наискосок, как будто её оставили на середине. Получалось, что мама спешила. Успокоила, поцеловала в макушку — и вдруг где-то в середине важного ритуала застыла. Мишка ещё не знал слов «застыла» и «вторая половина стенки», но уже чувствовал: в мире взрослых что-то не было доведено до конца. Впервые в жизни он видел недоделанное дело взрослого человека. Это было страшнее всего.

Он сел. Подумал — с таким серьёзным выражением лица, с каким взрослые смотрят в квитанции за коммуналку. Потом взял свою погремушку и изо всех сил стал швырять её по кроватке.

Реакции не последовало.

Погремушка — его главная техника связи с цивилизацией — молчала. Мишка секунду смотрел на неё как человек, у которого отключили интернет, телефон и электричество одновременно. План А провалился. Требовался план Б.

План Б был древнее погремушки: плач. Мишка заплакал так, как плакал всегда, — с полной уверенностью, что мир не выдержит и придёт. Мир не выдержал. Но и не пришёл.

А в животе было пусто. Кроме этого ощущался дискомфорт от грязного подгузника. Мишка не умел его снимать и не умел ещё кушать сам — то есть половина его проблем решалась взрослыми, которых в квартире больше не было, а вторая половина требовала взрослых, которые тоже закончились. Выходило, что весь его запас проблем теперь лежал на нём одном. А запаса сил при этом было ровно на одну ползательную сессию.

Его целью было освободиться от плена кроватки, чтобы поискать, где родители, и узнать, почему они ему не отвечают. Плен он не понимал, но чувствовал физически: прутья, потолок, границы. Мишка встал на прутья, подтянулся повыше — и, цепляясь за опущенную стенку, как за поручень эскалатора, перевалился через бортик.

Было неприятно от такого падения. Пол оказался твёрдым, хоть и выглядел мягким, — первая взрослая ложь, которую Мишка узнал лично. Он снова заплакал. А потом оглянулся

вокруг и наконец-то заметил, что освободился.Он замолчал. Слёзы у младенцев выключаются мгновенно: интерес всегда сильнее обиды.

Далее он просто пополз. Найди маму — так была сформулирована миссия, если бы её кто-нибудь записал. Мишка пополз сразу к взрослой кровати. Вот только кровать была высокой, и он не разглядел, что там, но знал: они есть. Он загыкал — это всё, на что был способен его голосовой аппарат, — но ответа не последовало.

Малыш решил обследовать квартиру. Может, там, за шкафом, они прячутся? Или за шторой? Он обследовал все места, где, по его данным, могли прятаться родители. Итог обследования был строг: никто не прятался нигде. Взрослые вообще оказались плохими прятальщиками — во всей квартире не нашлось ни одного, кто прятался бы хоть где-нибудь.

Зато за шторой валялась бутылочка с молоком. Мишка схватил её неловкими руками — руки у него пока работали с точностью до наоборот: хотел взять — уронил, хотел уронить — прилипло, — но в этот раз бутылочка поддалась. Он стал пить. Молоко оказалось кислым, как будто весь мир разом прокис, — и малыш тут же швырнул бутылку. Несколько глотков, впрочем, он всё-таки успел сделать, и они потом сыграют в его жизни роль, о которой он никогда не узнает.

Потом он увидел кота. Кот сидел на подоконнике и смотрел на улицу с видом человека, который давно всё понял и никому не собирается объяснять.

Мишка захотел его поймать. Кот в его картине мира значился как «пушистая мама с усами» — единственное тёплое существо в квартире, которое ещё двигалось. Вот только залезть на окно было проблематично: под окном стоял стул, но на стул не получалось залезть. Мишка попробовал четыре раза. Стул каждый раз побеждал, хотя даже не сопротивлялся.

Мишка устал и снова заплакал. Кот посмотрел на него сверху с лёгким осуждением — как старший товарищ, который не одобряет истерики, но и помочь не может, потому что не было ещё в мире кота, умевшего поднимать младенцев.

Успокоившись, Мишка продолжил ползать по пустой квартире. Он заполз на кухню, где на полу валялось что-то круглое с коричневыми вкраплениями — по данным его носа, вкусное. Он взял находку и стал посасывать, как соску. Печенье стало раскалываться по кусочку, и Мишке удалось что-то проглотить. Правда, всё равно это было несытно, а подгузник становился тяжелее.

Малыш приполз к детскому манежу — тот стоял открытым, — забрался внутрь и стал там играть. Играть в пустой квартире было странно: все игрушки как будто сдали смену и ушли. Он покидал кубики, порычал на них, простил их — и уснул прямо посреди манежа, завернувшись в собственную пелёнку, которую дёрнул и утащил на себе с кроватки.

Проснулся он в темноте.

Настоящей, глухой темноте — света в квартире больше не было. Электричество ушло так же тихо, как и взрослые: без прощания, без моргания, просто в один момент ночи перестало быть «включено». Для взрослого это была бы экономия света. Для Мишки это был конец света в миниатюре: мир отрезали от розетки.

Он заплакал — и в этот раз по-настоящему, на полную мощность, потому что темнота — единственное, чего он боялся, — накрыла его целиком.

И тут он увидел окно.

За окном светилась зелень.

Мишка знал этот свет всю свою жизнь. Сначала — с самого рождения — он смотрел на него в роддоме, и тогда это была комета, которую он изучал так же серьёзно, как взрослые изучают свои бумаги. А потом комета улетела вниз, в далёкое поле, упала — и с тех пор её свечение никуда не делось. Оно поднималось из земли мягким зелёным светом, стелилось по горизонту, дотягивалось до каждого окна и не гасло никогда. Взрослые, пока могли, называли это «инопланетный газ из метеорита». Мишка слов не знал. Он знал главное: этот свет не выключается. Он не зависит от розетки. Он висит в небе, как большой ночник, который кто-то вежливо оставил включённым на всю планету.

Мишка перестал плакать. Он дополз до окна, встал на ноги,положив руки на стул — и посмотрел. Зелёный свет лежал на его ладонях, на полу, на упавшей погремушке. Он не грел, но был.

Так Мишка впервые в жизни понял самую взрослую вещь: некоторые вещи заканчиваются, а некоторые — нет. Электричество кончилось. Тишина осталась. Но и зелёный свет тоже остался.

В ту ночь он заснул на полу у окна, под зелёным свечением, и снился ему двор, в котором никого не было, но почему-то было не страшно.

Утро началось с подгузника.

Мишка попытался снять подгузник-трусики. У него не вышло — трусики держались с упорством, на которое не был способен ни один взрослый. Но потом он в течение дня так ползал, крутился и подтягивался, что трусики растянулись и сами сползли — по своему расписанию, никуда не спеша. Мишка остался в одной маечке и почувствовал себя свободным. Двор, конечно, об этом узнает позже.

Голод становился сильнее, а хватка — слабее. Мишка снова вернулся к окну. Кот всё ещё сидел там и смотрел на улицу. В этот раз Мишка проявил хитрость: он подтянулся по стулу, как по лестнице, — на этот раз стул сдался, — затем вскарабкался на подоконник и попытался схватить кота за хвост.

Кот вырвался. Более того — кот посмотрел на Мишку, потом на открытое окно, а потом сделал то, чего Мишка не ожидал: кот спрыгнул вниз, и остался сидеть там, глядя наверх.

Будь это взрослый, он бы понял: кот зовёт. Но Мишка был младенцем, а у младенцев нет перевода с котского. Он просто увидел: кот внизу. А внизу — интересно.

Он перелез на раму — и тут рама, старая и разболтанная, качнулась под его весом. Мишка не полетел вслед за котом, как он потом в своих мыслях будет объяснять. Он просто потерял

равновесие. Рама выскользнула, и мир повернулся: небо, двор, зелёное свечение — всё оказалось внизу, а он — в центре этого всего.

Мишка угодил в мусорный бак — в тот, где лежали мешки с чем-то мягким. Удара он особо не почувствовал: мешки приняли его, как перина. Бак с грохотом упал — этот звук во дворе услышали бы все, будь там хоть кто-то, кто мог бы услышать. А вокруг стояли только взрослые статуи — и никто не повернул головы.

Мишка испугался и плакал. Он не понимал, где он и что с ним случилось, но понимал, что наверх ему уже не вернуться. Потом он выполз из бака как ни в чём не бывало — младенцы умеют перезагружаться быстрее всех существ на свете, — отряхнулся, как умел, и стал исследовать большой мир, трогая и пробуя всё на вкус.

Вкус у большого мира был разнообразный. Что-то было невкусным,а что-то было невозможно взять в рот,но кое-что съедобное попадалось — чтобы пососать. Например, чей-то большой упавший леденец (Мишка так и не узнает, что он лежал там уже два дня и побывал в компании трёх голубей) или кусок булки, откушенный кем-то — по-видимому, тем же самым кем-то, кто уронил леденец.

Вскоре после булки Мишка понял великую истину: это нужно жевать. Он жевал. Он давился. Он выплёвывал. Потом снова брал — потому что голод — не консультант по манерам. Булка проиграла эту битву: половина осталась в Мишкином животе, половина — во дворе, на совести голубей.

На улицах вокруг двора стояли неподвижные люди, а где-то сидели. Мишка подползал к ним — потому что ползти можно только к кому-то, — дёргал за штанину, за палец, за рукав. Никто не обращал на малыша внимания, и это было обидно вдвойне. Обычно незнакомцы ему улыбались. А тут — никакой реакции. Они даже не злились.Если бы взрослый Злился, Мишка бы понял: он много раз видел, как взрослые злятся. А вот молчать — не понимал. Молчание было хуже любой строгости.

В этот день двор впервые познакомил его с тем, что взрослый мир не только не отвечает — он вообще не двигается. Мишка ещё не знал слова «мир» и слова «статуя». Он знал только одно: все большие молчат, а он один.

Тут он и заплакал — впервые во дворе, не в квартире, и это было страшнее.

Днём — когда солнце поднялось и стало жарко — во дворе случился абсурдный момент, который Мишка потом опишет, если научится говорить, так: «Телефон кричал, а никто не вставал».

На лавочке рядом с каким-то взрослым-статуей лежал телефон. Телефон зазвонил. Громко, бодро, с мелодией из мультфильма, который Мишка смотрел наверное в прошлой жизни, ещё до кометы. Он зазвонил и звонил — раз, второй, третий, — как будто на другом конце был кто-то живой, кто-то, кто не знал, что звонить больше некому.

Мишка замер и слушал. Мелодия играла. Телефон не отвечал сам себе. Взрослый на лавочке не брал трубку. Мишка подполз к телефону, взял его обеими руками — телефон оказался тёплым от солнца.Он поднёс его к уху, как видел это сто раз у мамы.

— Алё? — не сказал он, потому что не умел.

Телефон перестал звонить. Мишка положил его обратно на лавочку — аккуратно, как ему казалось, — и посмотрел на статую рядом с ним с укором: тебе звонили, а ты даже трубку не взял.

А потом он увидел живую собаку.

Она появилась из-за гаражей — большая, лохматая, с ошейником, и явно им заинтересовалась. Подошла. Понюхала. Облизала — Мишка замер от неожиданности, а потом засмеялся: было щекотно и как-то приятно. Собака легла рядом — прямо на асфальт, боком,но Мишка не понял зачем.

Это была кормящая собака.

Мишка смотрел на неё так, как смотрят на чудо: сначала не веря, потом веря. Он услышал тихое посапывание — а где-то за гаражом скулили щенки. Собака встала и пошла туда. Мишка пополз за ней — теперь уже не из любопытства, а из нужды, из инстинкта, который знал больше него самого.

Там, за гаражами, он впервые увидел, как собака кормит щенков. И решил сам пристроиться — без спроса, без размышлений, просто потому что голод и запах говорили громче любых правил приличия, которых он ещё не знал.

Это было вкуснее любой съедобной вещи, попавшейся ему на пути за эти дни.

Собака не отогнала. Она только понюхала его макушку, вздохнула — с тем особым вздохом, каким вздыхают существа, принимающие в свою семью ещё одного, — а потом сильнее прижаласьк Мишке,чтобы греть как и щенков.

Мишке было тепло. И только над далёким полем, где когда-то упала комета, поднималось и стелилось зелёное свечение — то самое, которому когда-то сказала пятилетняя девочка: «Прилетай скорее. Только веди себя хорошо».

Комета прилетела. Хорошо себя не вела. А её свечение осталось — и теперь каждую ночь светило всем детям мира, как ночник, который никто не выключал.

Мишка не знал про поле, про газ и про ночник. Он знал только, что тепло — это собака, свет — это зелень в небе, а тишина — это всё остальное.

И где-то в этот самый вечер, с другого конца района, к двору с гаражами шёл ещё один ребёнок — тот, кто услышал скулеж щенков и голос маленького человека среди всех больших молчащих статуй.

Но это уже будет другая глава.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.